

КАТАЕВ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

*депутат Моссовета 21-го созыва
(избирательный округ № 280),
председатель постоянной комиссии
по свободе слова, средствам массовой информации
и делам общественных организаций*

«СОЗЫВ БЫЛ В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ БОЕВОЙ»

Выборам в Моссовет предшествовали несравнимо более свободные, нежели предыдущие, выборы народных депутатов СССР. Они сыграли большую роль в появлении и выявлении активных, желающих действовать людей и сил. Очень многие волонтеры, как их сейчас называют, а тогда это были добровольцы, активисты, пришли в избирательную кампанию народных депутатов СССР.

Президиум Академии наук СССР отказался включить академика А.Д. Сахарова в квоту, выделенную Академии. И возник Клуб избирателей Академии наук (КИАН) – очень активный. Он регулярно устраивал перед Президиумом Академии митинги с требованием включить Сахарова. Я тогда жил в Октябрьском районе, простиравшемся от Москвы-реки до улицы Крупской. В этом районе располагался Президиум АН и много институтов, и КИАН действовал в основном в этом районе.

К тому времени я уже 30 лет проработал в МГУ имени Ломоносова. И если бы не перестроенные времена, то в политику не пошел бы, хотя всегда ею интересовался. Я видел очень много плохого в советской власти, но считал, что цена, которую нужно заплатить за какое-то активное противодействие ей, несоизмерима результату. Хотя людей, которые решались на такое, уважал. Я узнал о митингах, а на них – о политических семинарах КИАНа. Стал посещать семинары и рассказывать о них в стенгазете на химфаке. Поначалу было страшновато «высовываться», но я решил всегда выступать открыто.

Примерно в марте 1990 года было собрание избирателей нашего микрорайона. Я первым из выступавших предложил выдвинуть Ельцина, Сахарова и инвалида Заславского. Получил бурные аплодисменты, наибольшее число голосов и стал руководителем группы избирателей микрорайона. Потом группа отправилась на собрание избирателей района, которое продолжалось до утра... Эти события могу считать первыми шагами в политической карьере. Надо сказать, что собрания в микрорайонах и районное организовал в основном Октябрьский райком КПСС – и весьма четко. Районное собрание проголосовало за кандидатов от района: Ельцина, Сахарова и молодого инвалида Илью Заславского; от власти прошёл один кандидат – телеведущий Александр Крутов. Но Ельцин решил баллотироваться от всей Москвы, а Сахаров согласился только от АН. Остались Заславский и Крутов. По ходу кампании я стал доверенным лицом Заславского.

Илья Заславский победил в первом туре и стал народным депутатом СССР. Наша группа поддержки переключилась на поддержку Сергея Станкевича в соседнем округе. Он победил во втором туре. Но группы поддержки кандидатов во многих районах Москвы не распались, а начали думать и искать себе занятие, нам «складывать лапки» было неинтересно. Кроме того, мы видели, что новоизбранные депутаты немного растерялись. Поэтому была инициирована первая встреча демократических народных депутатов СССР в центре Святослава Фёдорова. Она тоже была долгая и бурная. Особенно мне запомнился рояль и на нем бутерброды. Времена-то были скудные... Вскоре этих депутатов стали называть Московской группой. Но они связались с демократическими депутатами по всей России – и так возникла Межрегиональная группа. Они были в меньшинстве на съезде, но во

многим определяли его ход – в противовес «агрессивно-послушному большинству» (выражение, запущенное Ю.Н. Афанасьевым⁷³⁶).

Тем временем лидеры инициативных групп довольно быстро решили создать общероссийскую организацию. Заметьте, не партию, не политическое движение, а именно объединение избирателей. Оно было призвано обеспечить осознанную свободу выбора для людей. Граждане должны были понимать, за кого голосуют. Уже 27 июля (в разгар отпускного сезона!) одну из больших аудиторий Гуманитарного корпуса МГУ заполнили представители инициативных групп районов и учредили Московское объединение избирателей (МОИ).

Именно в эти месяцы начала складываться политическая культура. Ведь многое появилось впервые: большинство-меньшинство, голосование, регламент, забастовка, фракция, умение выслушать другого... Сахаров – Ельцин – Горбачёв... Все слушали и обсуждали противостояние на съезде.

Где-то к концу 1989 года началась следующая тройная кампания – по выборам народных депутатов РСФСР, Моссовета и райсоветов. А у нас уже была вполне работающая структура – МОИ. Рыхлая, но другая и не могла бы существовать. Каждый делал то, что мог. Народу было много, на собрания набивались полные залы, зимой помещения не отапливались, дискуссии были бурные – с выключением света и другими провокациями, – и продолжались они до позднего вечера...

В конце декабря в неотапливаемом зале Дворца молодёжи (рядом с метро «Фрунзенская») собрался съезд демократически настроенных кандидатов со всей России. Решили зарегистрировать блок кандидатов, в названии которого должны быть слова «Россия» и «демократия». Потасовали-потасовали – и получился блок «Демократическая Россия». Была написана программа блока, в которой говорилось и о демократии, и о Конституции. Основным автором был В.Л. Шейнис, активный член клуба избирателей. У меня за плечами был 30-летний опыт практической работы в науке, и, по моему мнению, избирателям нужны были и какие-то более понятные, практические вещи. Добавили. Программа была опубликована огромным тиражом в журнале «Огонёк» – самом тогда популярном.

Удивительно, как мы успевали все читать: газеты, журналы, массу недоступной ранее литературы... И все обсуждалось, обо всем шли споры. Оглядываясь назад, понимаю, что за эти три-четыре года и в жизни страны, и в нашей жизни произошло событий и свершений больше, чем за многие десятилетия... И когда обвиняют Ельцина, Гайдара и других политических деятелей в том, что они что-то не сделали, не использовали какие-то возможности, соглашусь. Но, с другой стороны, понимаю: у них просто на все не было времени. Ведь тогда страна была в глубочайшем кризисе.

Итак, выборы депутатов РСФСР, в Моссовет и в райсоветы проходили одновременно, и один кандидат мог баллотироваться хоть в три органа власти. Московское объединение избирателей принимало в предвыборной кампании активное участие. Каждый рабочий коллектив или сообщество жителей района имели право выдвинуть своего кандидата. Однажды ночью мне звонит активистка Ирина Боганцева со словами: «Революционеры не спят! У нас райком заблокировал выдвижение. Можете выдвинуть наших кандидатов?» Это можно было сделать в любом рабочем коллективе. Чётких границ не было. У нас каждый день какая-нибудь лаборатория какого-нибудь института выдвигала кандидатов. Я был выдвинут коллективом химфака МГУ.

Было абсолютно естественно выдвигать свою кандидатуру не в одну инстанцию, и я стал кандидатом в депутаты РСФСР и Моссовета. В нашем округе в депутаты РСФСР баллотировались, помнится, восемь кандидатов-демократов. За две недели до голосования я на собрании избирателей снял свою кандидатуру, поскольку среди конкурентов был помощник Андрея Сахарова Анатолий Шаббад, и я видел, что он получит больше голосов. Воспринято это было положительно и сопровождалось бурными аплодисментами. Вслед за мной сняли свои кандидатуры ещё несколько кандидатов-демократов, но не все.

⁷³⁶ Афанасьев Юрий Николаевич (1934-2015 гг.) – в 1986-1991 гг. ректор Московского историко-архивного института, в 1991-2003 гг. ректор Российского государственного гуманитарного университета; в 1989-1991 гг. народный депутат СССР, в 1991 – 1993 гг. народный депутат РСФСР.

Кампания проходила на энтузиазме. Ксероксы стали свободными. Каждая лаборатория считала своим долгом распечатать листовки и расклеить их. Причём уровень демократичности и политической культуры был высокий. Вот пример. Один кандидат на автобусной остановке заклеил своими листовками листовки другого кандидата. Это было ЧП! Он оправдался только тем, что это сделали помощники. До «грязных технологий» ещё не опускались. Методы агитации рождались сами собой.

Помню, что обходили квартиры с агитацией. Сейчас это называется «от двери к двери». Часто люди говорили: «Вы скажите, за кого голосовать, мы проголосуем». Это было, с одной стороны, доверие к нам, а с другой – не очень правильно. Граждане должны делать более осознанный выбор. В конечном итоге начали распространять листовки за подписью Гавриила Попова со списком тех, за кого призываем голосовать.

Шабад победил в первом туре, а я был избран в Моссовет по итогам второго тура. Началась депутатская работа.

Сейчас мы подзабыли состояние страны и Москвы тех лет. Но только за один год работы в Моссовете я помню три кризиса: хлебный, мыльный и табачный. Это моменты, когда товары исчезали из магазинов начисто. Депутаты Моссовета организовали «летучую группу». Получая сигнал, мчались на машине туда, где из-за нехватки товара могли возникнуть массовые беспорядки или недовольства, и предотвращали их. Группа очень гордилась тем, что у них есть при себе портативная рация. Она называлась «уоки-токи».

Помню, как голосовал в Моссовете за запрет на вывоз продовольствия из Московского региона. Конечно, это противоречило моим либеральным взглядам, но такой запрет уже ввели в большинстве регионов. К счастью, эта мера действовала недолго.

Но в целом и Моссовет, и райсоветы того времени оказались практически неработоспособными. Не только потому, что люди не имели опыта такого коллективного труда, в том числе и законодательного. Главная беда заключалась в том, что у многих не было серьёзного отношения к появившимся обязанностям. Ведь многие до избрания не вели никакой общественной работы, а если вели, то она была совсем иной, чем перед новыми выборами. А после избрания эта их работа опять изменилась и стала обязательной, государственного уровня, но отношение к ней изменить смогли далеко не все.

Кто хотел, мог перейти на освобождённую должность в Моссовете, но многие оставались на прежней работе и крайне редко посещали заседания Моссовета. Например, в нашу комиссию по СМИ и общественным организациям вошли два известных журналиста: П. Гусев и В. Выжубович. Но на заседании комиссии они не были, по-моему, ни разу, а на заседаниях Моссовета – очень редко. А ведь они с их опытом были бы очень полезны в комиссии... Поэтому заседания Моссовета не набирали кворума, и многие решения просто не могли быть приняты по техническим обстоятельствам. Довольно скоро Верховный Совет принял закон о «малых советах». Моссовет избрал в малый Совет 120 депутатов⁷³⁷. Худо-бедно работа пошла. Я расстался с университетом и перешёл в Моссовет.

Одним из важнейших результатов Моссовета можно считать избрание председателем Моссовета Гавриила Попова и председателем Исполкома Юрия Лужкова. Благодаря этому все хоть немного вздохнули с облегчением, потому что начали понимать: Москва – это очень запущенное хозяйство, с которым нам не справиться. А Лужков пусть по-своему, но справился.

На мой субъективный взгляд, за три года работы Моссовет сделал больше, чем Мосгордума за все время существования. Моссовет принял решение о бесплатном проезде в общественном транспорте для пенсионеров. Мы начали работу над положениями о приватизации жилья, о порядке

⁷³⁷ Здесь автор не совсем точен: Верховный Совет РСФСР принял постановление от 06.07.1991 г. № 1551-1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР “О местном самоуправлении”», в п.5 которого говорилось, что местные Советы могут избрать из своего состава малые советы. На основании этого постановления Моссовет избрал малый Совет (Московскую городскую думу) в составе 233 депутатов [решение Моссовета от 05.11.1991 г. «Об образовании Московской городской думы (Малого Совета)»], но после принятия Закона РСФСР от 05.12.1991 г. № 1985-1 «О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов», однозначно определившего, что краевые, областные Советы народных депутатов избирают из своего состава малый Совет в количестве не более одной пятой от числа народных депутатов, установленного для соответствующего Совета, Моссовет принял решение от 16.01.1992 г. «Об избрании малого Совета», согласно которому был избран малый Совет в количестве 99 депутатов.

регистрации СМИ и общественных объединений. Эти темы «перехватил» Верховный Совет, и это хорошо, ведь они перешли на уровень федеральных законов.

Из того, чем занимался я, могу выделить приватизацию жилья, порядок учреждения СМИ, общественных и некоммерческих организаций.

Приватизация жилья – главная приватизация не только по объёмам, но и по изменению мироощущения каждого. Люди почувствовали себя реальными собственниками своих квартир. Ведь ранее, чтобы поменять квартиру или не потерять жилплощадь после смерти родственника, приходилось проходить ужасно унижительные процедуры на грани с жульничеством, которое было всеобщим, на что все закрывали глаза. Лицемерие, надо признаться, пронизывало многие сферы советской жизни. Одна из этих составляющих с нашей помощью канула в Лету. Это поистине революционный шаг, очень сильно повлиявший на нашу дальнейшую жизнь. О нем сейчас редко вспоминают – именно в силу его органичности. Мы пытались создать положение о приватизации жилья с учётом ценности квартир. Верховный Совет принял закон, по которому каждый становился собственником того жилья, которое имел. Да, это несправедливо. Но только значительно позже я понял, что если бы попытались учитывать ценность жилья, то делали бы это чиновники, и вообще приватизация стала бы не заявительной, а разрешительной. И не произошла бы за десятки лет, как не произошло юридическое закрепление земельных участков при многоквартирных домах за собственниками помещений, предусмотренное тем же законом о приватизации жилья.

Прошло разделение на комиссии. Я выбрал Комиссию по средствам массовой информации и общественным организациям и вскоре стал её председателем. Объясню почему. Было ясное осознание того, что демократическая эйфория скоро пройдёт, настанут непростые времена, и к этому людей надо готовить, многое нужно объяснять. Думалось, что в этой комиссии я буду полезен. Правило в жизни было такое: идти туда, где недостаточно сил.

Получилось как-то очень легко начать общаться с прессой, хотя ранее никогда не имел с ней дела. Например, на Третьем канале ТВ я провёл цикл передач о приватизации. Первое же обсуждение длилось полтора часа, за одним столом собрались Прокурор города и Председатель Мосгорсуда, чиновники Исполкома, предприниматели, активисты. Рейтинг передачи зашкалил; утром у приёмной, где Л.В. Стебенкова консультировала по вопросам приватизации, стояла очередь.

Наша комиссия помогла газетам «Известия», «Московская правда», «Вечерняя Москва» стать независимыми от государственных органов, их учредивших. Сама комиссия учредила «Независимую газету», «Эхо Москвы» и «Куранты».

Из резонансных запомнился случай регистрации газеты сексуальных меньшинств. Принесли документы по утверждённой форме, и у меня не было формальных оснований отказать им в регистрации. Был большой скандал в СМИ, особенно возмущалась «Правда», но как чиновник я поступил честно и принципиально. Аргумент у меня был такой: к их документам нет претензий, если потом они сделают что-то, нарушающее закон, решение примет суд.

В те годы начал закладываться институт некоммерческих организаций (НКО). Отнести их к партиям, общественным или коммерческим организациям было невозможно. Мы приняли положение о регистрации, организовали комиссию по регистрации НКО и общественных объединений, я стал её председателем. Помню, как зарегистрировал партию Жириновского. Позже комиссия перешла в органы исполнительной власти.

Статус депутата тогда вызывал уважение. Это было, наверное, очень наивно, но делегация Моссовета дважды отправлялась в район карабахского конфликта. Первый раз мы были на территории Армении, второй – Азербайджана. Много там было провокаций, конечно. Мы видели стреляные гильзы крупнокалиберных пулемётов вокруг деревни, оставленные армейскими вертолётами, воронки от градобойных снарядов на территории азербайджанской школы, расстрелянный из автомата армянский грузовик с кровью на сиденье. Другой грузовик, азербайджанский, который вёз снаряды, был расстрелян и взорван; мы собрали, погрузили и привезли родственникам то, что осталось от людей... Слезы в глазах и горечь в душах местных жителей... А ведь совсем недавно они ходили друг к другу в гости, ездили на свадьбы, мирно уживались. Председатели соседних колхозов – армянского и азербайджанского – ежемесячно встречались, обсуждали общие дела.

Мне с депутатами Верой Худолеевой и Евгением Балашовым даже пришлось сутки быть заложниками на азербайджанской стороне. Но Евгению удалось сбежать на армянскую сторону и сообщить в Москву. Все разрешилось для нас удачно. И, возможно, хоть что-то на какой-то миллиметр в сторону улучшения отношений мы подвинули. После приезда в Москву было желание организовать выставку, шум поднять, но все ограничилось моей статьёй в журнале «Огонёк». До сих пор она мне нравится.

Вообще, созыв был в прямом смысле боевой.

Путч 18-21 августа 1991 года, в событиях которого мы принимали самое активное участие: печатали и раздавали листовки с обращением Ельцина (их расхватывали моментально, многие прохожие их просили, чтобы отвезти в свой город); я засовывал листовки под «дворники» армейских грузовиков вдоль Александровского сада; мы добились включения «Эха Москвы». В ночь с 20-го на 21-е я рядом с Глебом Якуниным стоял у подъезда «Белого дома»⁷³⁸. Депутатам России выдали боевое оружие, предупредили: под стенами не стоять, т.к. при стрельбе посыплется стекла... Примерно в полночь слышали стрельбу на Садовом кольце, прибежали посланцы за Глебом Павловичем, и мы поспешили туда, но на полпути новые посланцы сообщили, что необходимости уже нет. 23-го выстраивали оцепление перед подъездами ЦК КПСС на Старой площади, чтобы уберечь от погрома; затем понадобилось оцепление вокруг памятника Дзержинскому, чтобы его не повалили в порядке «самодеятельности», ведь могли быть жертвы. Все было реально и на грани.

В сентябре 1993 года Ельцин своим указом распустил Съезд народных депутатов и Верховый Совет. В октябре обстановка стала особенно напряжённой. 2 октября мы с Геннадием Зюгановым по телевидению ещё призывали к мирному разрешению конфликта. А 3 октября 1993 г. я, выйдя с затянувшегося собрания «Московской трибуны», узнал, что восставшие уже разгромили здание мэрии рядом с «Белым домом», избили до полусмерти министра правительства Москвы, и грузовики с боевиками уже промчались к Останкинскому телецентру. Глеб Якунин с Львом Пономаревым, а затем Егор Гайдар призвали демократов собраться у Моссовета, иначе народ ринется бы под пули к «Белому дому». Члены координационного совета Демроссии пошли к Моссовету, а я и несколько коллег остались на ночь в штабе Демроссии (в нынешнем здании Совета Федерации), чтобы обзвонивать региональные организации Демроссии. Выяснилось: одни руководители договорились с местной властью выждать развития событий, другие готовят на завтра митинги. Мы передаём информацию на площадь к Моссовету, где идёт митинг; ведёт его Лужков с балкона. Мы же всю ночь ждём, что вот распахнётся дверь и ворвутся автоматчики... Утром с облегчением увидели по ТВ танк, стрелявший по пустому кабинету Руцкого. Тем, кто повторяет фейк про «расстрел парламента», напомним, что, слава Богу, не погиб ни один парламентарий, а вот гражданскую войну в городе надо было кончать: рядовых людей погибло много. Но радости от этой победы не было, в отличие от августа 1991-го.

4 октября прихожу в Моссовет – не пускают, двери заперты. Через несколько дней пустили тех, кто был на стороне Ельцина. Начала работать комиссия, которая должна была разобраться в происходящем... А 7 октября 1993 года Моссовет был распущен Указом Президента РФ. Так закончилась эпоха демократического Московского Совета депутатов.

Отдельно отвечаю на вопрос об автоматизации деятельности Моссовета. Скажу коротко: её не было. Компьютеры в комиссиях были, помощники прошли обучение, свободно на них работали, я тоже освоил это довольно легко. Но про информационные системы лично я ничего не знал. Наверное, они уже были, но для решения каких-то канцелярских вопросов. А голоса на заседаниях считали по старинке – пальцем⁷³⁹.

⁷³⁸ «Белым домом» в то время называли здание Верховного Совета РФ на Краснопресненской набережной (ныне – Дом Правительства РФ).

⁷³⁹ Здесь автор не точен: начиная со второй сессии в Моссовете действовала электронная система голосования.